РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБАХ НАУКИ

© 1993 г., ЭО, № 6

Ю. И. Семенов

ЭТНОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ

Вопросы гносеологии в дискуссии по проблемам этнологии. В статье В. А. Тишкова «Советская этнография: преодоление кризиса» («Этнографическое обозрение», 1992, № 1)* было поднято множество вопросов, имеющих жизненное значение для нашей науки. В числе других в ней были поставлены и проблемы теории познания — гносеологии или, как модно теперь говорить, эпистемологии. По мнению В. А. Тишкова, в этой сфере противостоят друг другу два основных направления: «объективистский позитивизм» и «постмодернистская гносеология», «доброкачественный релятивизм» (с. 6). Симпатии автора явно склоняются ко второму течению. К сожалению, в статье отсутствует сколько-нибудь развернутая характеристика как первого, так и второго направлений. Поэтому судить о собственных воззрениях автора статьи можно только на основании нескольких разрозненных высказываний.

В. А. Тишков говорит о необходимости «преодолеть в основе своей позитивистские постулаты в гегельянско-марксистской упаковке о существовании научно отражаемой объективной реальности» (с. 7). Насколько можно понять, согласно взглядам В. А. Тишкова, если не вся вообще объективная реальность, то по крайней мере такие, считавшиеся в нашей науке вполне реальными исторические образования, как общественно-экономические формации и этносы, в действительности не существуют. По его мнению, «этносы, как и формации, есть умственные конструкции, своего рода „идеальный тип", используемый для систематизации конкретного материала, т. е. они существуют исключительно в умах историков, социологов, этнографов» (с. 7).

Именно это его положение прежде всего привлекло к себе внимание участников дискуссии, развернувшейся вокруг статьи. Одни отнеслись к нему крайне скептически (В. Н. Басилов) [1] или даже резко отрицательно (С. А. Арутюнов) [2]. Вторые нашли, что это положение не лишено основания (В. И. Козлов) [3]. Третьи (В. А. Шнирельман) заявили, что в этом положении нет ничего нового. Все профессиональные аналитики давно уже придерживаются такого мнения [4]. Четвертые выступили с обоснованием истинности этого положения. К их числу в первую очередь относится И. С. Кон, чье мнение особенно интересно, потому что он единственный участник дискуссии, который является профессиональным философом. И. С. Кон решительно поддержал В. А. Тишкова. По его мнению, «главная беда нашего обществоведения... заключается в том, что мы постоянно онтологизируем собственные категории, приписывая им самостоятельное существование, тогда как в действительности все они — более или менее условные конструкты, имеющие прежде всего эвристическую ценность, помогающие нам осмыслить и организовать наш жизненный опыт и научный материал» [5].

Обвинение со стороны философа наших обществоведов в том, что они онтологизируют понятия, звучит грозно. Но что собственно имеет в виду И. С. Кон, говоря об онтологизации понятий? Представление о том, что понятия существуют не только в сознании ученых, но и вне его? Что же, действительно, были философы, придерживавшиеся подобного взгляда. Но среди наших обществове-

* Далее при ссылках на эту статью в тексте будут указываться только страницы.

дов невозможно найти ни одного, который был бы с ними согласен. Видимо, под онтологизацией понятий имеется в виду что-то другое. Что же именно? Да просто взгляд, согласно которому содержание по крайней мере части понятий существует не только в сознании, но и вне его. Скажем, существует понятие «хлеб», но существует и реальный хлеб, который едят, существует понятие «стул», но существуют и реальные стулья, на которых сидят. В применении к науке это означает, что существует понятие «общественно-экономическая формация», но существуют и реальные формации: первобытно-общинная, феодальная, капиталистическая, существует понятие «этнос», но существуют и реальные этносы, т. е. народы: русские, англичане, сербы, абхазы.

Это отнюдь не означает признания объективности содержания всех понятий без исключения. Существовали в естествознании такие, например, понятия, как «флогистон», «эфир», но в реальности никогда не было ни того, ни другого.

Если подобный подход назвать онтологизацией понятий, то придется признать, что не только обществоведы, но вообще все ученые и все люди лишь тем и занимаются, что онтологизируют понятия. Если перевести все это на более понятный язык, то все они, пусть не теоретически, но практически рассматривают понятия как образы внешнего мира, т. е. придерживаются теории отражения.

И. С. Кон категорически отвергает теорию отражения. Он считает ее явлением позорным и, сочувствуя марксизму, стремится снять с него обвинение в том, что он принимает эту теорию. «Примитивная ленинская теория отражения, не имеющая ничего общего с марксизмом (лучшие наши философы это давно прекрасно понимали и формулировали проблемы совершенно иначе, но прямо сказать, естественно, не могли), предполагает, что понятия лишь отражают „объективную реальность“, поэтому они могут быть только истинными или ложными, а уж если они истинны, то менять или переформулировать их никак нельзя» [6].

В этом высказывании удивительно чуть ли не все. Вопреки мнению И. С. Кона и неназванных им лучших философов, марксистская философия всегда включала в себя теорию отражения. Об этом совершенно недвусмысленно свидетельствуют высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса. «У меня же,— писал К. Маркс, противопоставляя свое понимание познания взглядам Г. Гегеля,— наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [7]. «Вернувшись к материалистической точке зрения,— вторит ему Ф. Энгельс,— мы снова увидели в человеческих понятиях отображения действительных вещей, вместо того, чтобы в действительных вещах видеть отображения тех или иных ступеней абсолютного понятия» [8]. И высказываний такого рода основоположников марксизма множество [9]. Чтобы не перегружать статью, адресую всех интересующихся этой проблемой к рубрике «Отражение» в предметном указателе ко второму изданию сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, где даны отсылки к соответствующим страницам соответствующих томов [10]. Независимо от того, считать теорию отражения истинной или ложной, несомненным фактом является то, что марксизм всегда принимал ее.

Совершенно несостоятельно утверждение И. С. Кона, что, согласно ленинской точке зрения, понятия могут быть либо только истинными, либо только ложными и что изменять и переформулировать их нельзя. «Познание,— писал В. И. Ленин,— есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. *Отражение* природы в мысли человека надо понимать не „мертво“, не „абстрактно“, *не без движения,* не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их» [11]. Как он специально подчеркивал, понятия человека «должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, дабы обнять мир» [12]. «Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. (мышление, наука = „логическая идея“) и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы... Человек не может охватить — отразить

= отобразить природы *всей*, полностью, ее „непосредственной цельности", он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д. и т. п.» [13].

И подобных высказываний очень много. Я понимаю, что можно не терпеть В. И. Ленина, даже ненавидеть его, но зачем же искажать его взгляды?

И все же и в указанной работе В. А. Тишкова и в последующих статьях, не исключая и статьи И. С. Кона, вопросы гносеологии не выступали на первом плане. Иное дело — обширная статья С. В. Соколовского «Этнографические исследования: идеал и действительность», напечатанная в двух номерах журнала («Этнографическое обозрение», 1993, № 2 и 3) *. Прежде чем обратиться к содержанию этой статьи, остановимся на ее форме. В этом отношении статья производит более чем странное впечатление. Она написана на какой-то невероятной смеси русского и английского языков. Буквально на каждой странице мы встречаемся с такими словами и словосочетаниями, как «валидность», «оксюморонность», «идиосинкретичный», «индигенный», «эндемичный», «мерономия», «интенция», «стратегема», «интеррогативный процесс», «делимитация», «констелляция», «поликритериальная процедура», «солидификация», «релятивная фактуальность», «дейктическое средство отсылки к конкретному топосу существования», «итеративный диалогический процесс», «тезаурус», «социолект», «гипо-гиперонимические отношения» и т. д. и т. п.

Я не против употребления иностранных слов, но только в том случае, когда без них невозможно обойтись. Автор же употребляет иностранные слова и тогда, когда абсолютно никакой нужды в них нет — существуют совершенные русские эквиваленты. И тому есть серьезные причины. Одна из них, на мой взгляд, состоит в том, что автор так и не смог понять концепции, с которыми он столкнулся при чтении зарубежной литературы и которые ему страшно понравились. А раз он не смог их понять, то оказался не в состоянии изложить их собственными словами и стал излагать как можно ближе к оригинальному тексту.

Но С. В. Соколовский пользуется таким языком при изложении не только чужих, но и собственных взглядов. Видимо, дело здесь в том, что если бы его собственные взгляды были бы изложены по-русски, бросилась бы в глаза их поражающая банальность. А облеченные во французско-нижегородскую, т. е. англо-московскую, оболочку, они приобретают вид новизны и оригинальности. Скажем, автор много страниц посвящает «легитимизации через ценности» (№ 2, с. 5—10). Суть же изложенного можно выразить буквально в нескольких словах. Когда ученый, особенно молодой, выступает с новыми идеями, то встречает сопротивление со стороны старших коллег, занимающих нередко ключевые позиции в науке. И молодому ученому волей-неволей приходится к этому приспосабливаться. Вот собственно и все. Но почитайте, каким вычурным языком все это изложено.

Частично я уже перешел от рассмотрения формы работы к анализу ее содержания. Двинемся дальше в том же направлении. По глубокому убеждению С. В. Соколовского, «все происходящее в этнографии можно представить как эпизоды борьбы двух парадигм» (№ 2, с. 5), попросту говоря, двух теоретических направлений. Одно из них он именует позитивистским, объективистско-универсалистским. Другое — постмодернистским, релятивистским. Согласно утверждению автора, первоначально «безраздельно господствовал объективизм», но в первой половине XX в. широко распространился релятивизм, что связано с именами Т. Куна и П. Фейерабенда, Л. Витгенштейна и Р. Рорти, Э. Сепира и Б. Уорфа, а также К. Клакхона (№ 2, с. 10).

При чтении этого места статьи сразу же возникает множество вопросов. Ведь работа Т. Куна «Структура научных революций» вышла впервые в 1962 г., а статьи П. Фейерабенда начали появляться лишь с 1958 г., не говоря уж об

* Далее при ссылках на эту статью в тексте будут указываться только номер журнала и страницы.

основном его труде «Против методологического принуждения», который увидел свет в 1975 г. Поэтому связать их имена с тем, что, по словам С. В. Соколовского, происходило в первой половине XX в., нельзя. Все работы Р. Рорти тоже относятся ко второй половине XX в.

Казалось бы, лучше обстоит дело с Л. Витгенштейном, «Логико-философский трактат» которого появился в 1921 г. Но все дело в том, что этот мыслитель был одним из основоположников неопозитивизма. А это течение, как сообщает нам С. В. Соколовский, бесспорно, относится к позитивистскому объективистско-универсалистскому направлению (№ 2, с. 11).

Вообще автор явно недостаточно знаком с историей и современным состоянием науки. Он, например, говорит о резкой критике эволюционистских концепций и последовавшим за этим отказом от их использования в работах культур-антропологов и этнографов (№ 2, с. 12). Действительно, было время, когда в западной этнологии от эволюционизма открещивались. Но начиная с 50-х годов XX в. в западной этнологической науке возникает и набирает силу неоэволюционизм. И сейчас он является одним из влиятельнейших направлений западной этнологической мысли.

С. В. Соколовский часто не понимает не только иных авторов, но и самого себя. Ему, например, очень не нравится «универсализм», который он нигде четко не определяет. «Универсализм», по его мнению, необычайно вреден, ибо в применении к этнографии его культивирование «искажает результаты полевой работы и в значительной степени перечеркивает изначальные интенции исследователя» (№ 2, с. 5). И его страшно интересует, почему этот «универсализм» вкупе с «объективизмом» «заняли такие высокие места в науке». «Мне представляется, — пишет он,— что ключевым понятием в поиске ответа на поставленный вопрос является понятие „власть“» (там же).

Но причем тут власть, причем тут, грубо говоря, начальство? Результаты научных исследований всегда выражаются в понятиях. А понятия всегда имеют дело с общим. В этом смысле они всегда являются универсалиями. Это, кстати, признает и сам С. В. Соколовский. «Всякая теория,— пишет он,— формулирует свои утверждения с помощью универсалистских высказываний» (там же). Это относится, разумеется, и к релятивистским концепциям. Спрашивается, как совместить это высказывание с требованием отказа от «универсализма»? Или этот термин имеет еще один смысл, который подразумевается автором, но никак не раскрывается?

С. В. Соколовский, рассказывая о двух направлениях — позитивизме и постмодернизме, внешне старается стать над ними. В некоторых местах статьи он говорит о недостатках не только первого, но и второго. В целом автор стремится создать впечатление, что у него своя линия, свободная от односторонности обоих рассматриваемых течений. В действительности же если он и критикует, то исключительно «объективистский позитивизм», если он и борется, то только с «позитивистским объективизмом». По существу он стоит на позиции релятивизма по всем вопросам.

Чтобы рассмотреть все несообразности, содержащиеся в статье С. В. Соколовского, потребовалось бы, вероятно, страниц 40—50. Но у меня нет ни возможности, ни желания заниматься этим. Поэтому я пойду по другому пути, который позволит разобраться в тех проблемах гносеологии, которые поднимаются в статьях В. А. Тишкова и участников обсуждения, включая и С. В. Соколовского.

Что такое «позитивизм»? Прежде всего попытаемся определить, что имеют в виду В. А. Тишков и С. В. Соколовский, говоря о позитивизме. Дело в том, что смысл этого термина весьма неопределенен. Позитивизмом принято именовать определенное течение в философии. Но оно далеко не однородно. В нем обычно выделяют первый позитивизм, второй позитивизм и третий позитивизм (неопозитивизм), между которыми существуют значительные различия. Первый позитивизм, связанный прежде всего с именами О. Конта и Г. Спенсера, представлял собой своеобразную смесь агностицизма и «стыдливого» материализма. Вто-

рой позитивизм, наиболее яркими представителями которого были Э. Мах и Р. Авенариус, сочетал в себе агностицизм и субъективный идеализм. В неопозитивизме агностицизм снова переплетается со «стыдливым» материализмом.

Кроме философов, принадлежащих к указанным выше школам. позитивистами принято также называть ученых, которые, не являясь сознательными сторонниками какого-либо направления в философии, делают упор на фактографию и недоверчиво относятся к теоретическим построениям. В большинстве своем они фактически являются стихийными материалистами.

В. А. Тишков приписывает позитивистам взгляд на познание как на отражение объективной реальности (с. 7). Это неверно. Ни одна из позитивистских школ никогда открыто или, как модно сейчас говорить, эксплицитно не принимала этого постулата, хотя некоторые представители позитивизма практически к этому склонялись. Теорию отражения в точном значении этого слова принимает только материализм.

С. В. Соколовский характеризует позитивизм как «объективизм». Трудно сказать, какой именно смысл вкладывает он в последний термин. Если под «объективизмом» он понимает признание существования объективной реальности, то ошибается. Ни одна из школ позитивизма никогда прямо не признавала существования объективной реальности.

В целом, говоря о позитивизме, и В. А. Тишков, и С. В. Соколовский в большинстве случаев имеют в виду не столько собственно позитивизм, сколько материализм. Удивляет только, почему они прямо не говорят о материализме. Ведь такое направление, несомненно, существует, и в нашей этнографической науке именно оно, а вовсе не позитивизм, было символом веры.

Надо сказать, что в указанных статьях нет полной ясности и в понимании второго направления — релятивизма. Для В. А. Тишкова — это главным образом философский релятивизм. С. В. Соколовский же под релятивизмом понимает три разных, хотя в определенной степени связанных явления духовной жизни, относящихся к трем разным наукам. Первое — это философский релятивизм. Второе — гипотеза или теория лингвистической относительности Э. Сепира — Б. Уорфа. Третье — культурный релятивизм, одно из направлений, но не в философии, а в этнологии. И все это он валит в одну кучу, объединяет под одним названием, что, разумеется, не способствует пониманию его рассуждений.

Конечно, и культурный релятивизм заслуживает рассмотрения, но сначала я займусь философскими проблемами.

Проблема объективной реальности. Начну с вопроса о том. существует ли окружающий нас мир вне и независимо от сознания человека. Это чисто философская проблема, но имеющая огромное значение и для науки. Как известно, одни философы отвечают на этот вопрос отрицательно. Для них мир существует только в сознании человека. Это — субъективные идеалисты. Другие считают, что этот вопрос неразрешим. Иной вариант того же по существу ответа состоит в том, что такой вопрос вообще ставить нельзя. Это — различного рода агностики. Именно так отвечают на этот вопрос позитивисты.

Наконец, есть философы, отвечающие на этот вопрос утвердительно. Это. во-первых, материалисты и, во-вторых, объективные идеалисты. Последние. считая мир независимым от человеческого сознания, рассматривают его в то же время как проявление или творение какого-то нечеловеческого, объективного сознания. Для материализма объективный мир существует сам по себе, не нуждаясь в каких-либо добавлениях.

Ни В. А. Тишков, ни С. В. Соколовский четкого ответа на вопрос о существовании объективной реальности не дают. Некоторые места статьи В. А. Тишкова можно истолковать как отрицание существования объективного мира. Например. он пишет о необходимости преодоления упакованного в гегельянско-марксистскую оболочку позитивистского постулата о существовании объективной реальности и объявляет этнос существующим только в сознании (с. 7). Но буквально вслед за этим говорит о бытии «объективно существующих и отличных друг от

друга элементов общества и культуры» (с. 8). Да и отрицание объективности этноса В. А. Тишков не выдерживает последовательно. Заявив, что этносы, т. е. народы, существуют только в умах ученых, он в то же время утверждает, что у «этнологии и антропологии есть свой отчетливый предмет — это изучение народов и культур» (там же).

У С. В. Соколовского бесконечные выпады против «позитивистского объективизма», критика понимания познания как «отражения реальности» (№ 3, с. 7) сочетаются с признанием того, что наука, если она желает остаться наукой, должна поддерживать связь с реальностью (№ 3, с. 4). Собственно, все ученые, какими бы ни были их философские взгляды, с неизбежностью должны исходить из того, что объект, который они исследуют, существует независимо от их сознания. Таким образом, любая наука всегда исходит из того, что существует объективный мир. Наука материалистична по своей сущности. Философский материализм лишь открыто и четко формулирует это стихийное убеждение всех ученых.

Проблема соотношения мира и знания о нем. Если объективный мир существует, то в каком же отношении к нему находятся наши знания о нем, включая и научные знания, что является содержанием наших знаний о мире? И на этот вопрос напрашивается один ответ: содержанием наших знаний о мире является сам мир. В противном случае эти знания не были бы знаниями о мире. А это означает, что наши знания о мире являются отражением объективного мира, воспроизведением его в нашем сознании. И мы с неизбежностью приходим к материалистической теории познания, теории отражения.

Материализм заключается в признании существования мира вне и независимо от какого-либо сознания. Сознание же представляет собой не что иное, как отображение мира. С этим выводом согласны все сколько-нибудь последовательные материалисты. Но материализм материализму рознь. Одно дело — материализм, каким он был до Маркса. Другое — марксистский материализм. Для домарксистского и вообще немарксистского материализма сознание есть только отражение мира. Согласно марксистскому материализму, сознание не только отражает мир, но и через практику обратно воздействует на него. И само отражение не является пассивным, зеркально-мертвенным. Оно активно.

Мышление как единство отражения и творчества. Эта активность бросается в глаза, когда мы от чувственного познания переходим к мышлению. Если суть чувственного познания в ощущениях и восприятиях, то суть мышления — в понятиях. Мышление есть оперирование понятиями. Ощущения, а тем самым и восприятия возникают в результате воздействия внешних явлений на рецепторы человека. Понятия такого прямого внешнего источника не имеют. Они не порождаются внешними явлениями, а создаются людьми. Одни понятия — продукты анонимного творчества народа, другие, прежде всего научные, имеют конкретных творцов. Но в любых случаях понятия представляют собой творения людей.

Для многих людей определение понятий как творений исключает их признание образами внешнего мира. Либо отражение внешнего мира, либо творчество — так они ставят вопрос. Если творчество, то, значит, не отражение. В действительности понятия творчество и отражение отнюдь не исключают друг друга. Мышление есть одновременно и отражение, являющееся творчеством, и творчество, являющееся отражением. Мышление есть активное отражение, творческое отражение или отражательное творчество.

Понятия суть образы внешнего мира, но образы своеобразные как по форме, так и по содержанию. Мир — не простая совокупность отдельных чувственно-зримых предметов. Кроме отдельного в нем есть и общее, которое не может быть выражено в ощущениях и восприятиях. Общее не чувственно-зримо. Оно — умозримо, умопостигаемо. Оно может быть постигнуто только умом, мыслью. Если восприятия являются образами отдельного, то понятия — образами общего. Это было замечено далеко не сразу.

Понятия всегда выражаются в словах или сочетаниях слов. Слово есть знак — определенное отдельное материальное чувственно-зримое явление, которое что-то обозначает. То, что обозначает знак, принято называть референтом, или денотатом знака. Всякий знак имеет также значение или смысл. В семиотике значение знака принято называть его десигнатом. Десигнатом слова как особой разновидности знака является понятие. Слово есть материальная оболочка понятия.

Общее в реальном мире неразрывно связано с отдельным. Оно проявляется в отдельном, существует только в отдельном и через отдельное. С другой стороны, каждое отдельное есть проявление общего. Это позволяет разобраться в природе понятий.

Существует несколько различных видов понятий. К первой их разновидности относятся такие самые обычные понятия, как «собака», «стул», «береза» и т. п. Каждое такое понятие отражает то общее, которое присуще определенному классу чувственно-зримых предметов. Понятие «стул», например, отражает то общее, что присуще всем стульям. В силу этого слово «стул» обозначает каждый стул, взятый в отдельности. Особенность рассматриваемых понятий состоит в том, что денотатами слов, в которых они выражаются, являются отдельные конкретные чувственно-зримые предметы. Поэтому о данных понятиях говорят как о таких, которые имеют чувственный коррелят.

И пока существовали только такие понятия, люди не осознавали, что имеют дело с понятиями и соответственно с общим. Для них внешне все обстояло так, как если бы существовали только чувственно-зримые вещи и столь же чувственно-зримые слова, которые были именами этих вещей. Все люди, не искушенные в философии, были и являются стихийными номиналистами (от лат. *nomina* — имя).

В дальнейшем постепенно было осознано, что в мире кроме чувственно-зримого существует и то, что зримо только умом. С этого и началась философия. Кроме понятий описанного выше типа существуют и другие. Они, как и первые, отражают общее. Но в отличие от первых слова, выражающие их, не имеют чувственно-зримых денотатов. У этих слов не только десигнатом, но и денотатом является не отдельное, а общее.

Когда появились слова, денотатом которых было не отдельное, а общее, возникла проблема природы общего, а тем самым и реальности общего. Одновременно она была и проблемой природы понятий. Как уже указывалось, общее в мире существует только в отдельном и через отдельное. В сознании же оно «извлечено» из отдельного, «отделено» от отдельного, предстает в «чистом» виде, т. е. в таком, в каком в мире оно существовать не может.

Денотатом слов, выражающих понятия второго рода, служит одновременно и «чистое» общее, существующее только в мыслях, в понятиях, и реальное общее, образом которого являются данные понятия. Но для людей, столкнувшихся с проблемой общего, все выглядело так, как если бы денотатами такого рода слов было только «чистое» общее. Проблема реальности общего представала перед ними как проблема реальности «чистого» общего.

И совершенно естественно, что многие мыслители выступили с отрицанием объективного существования «чистого» общего. И в этом отношении они были правы. «Чистое» общее существует только в сознании. Но, отвергая объективность «чистого» общего, они приходили и к отрицанию объективности реального общего, существующего в отдельном и через отдельное. Так, наряду со стихийным номинализмом возник номинализм как одно из течений философской мысли.

И. С. Кон видит суть новейшей разновидности номинализма — социального конструктивизма — в утверждении, что «все научные категории создаются обществом и не имеют смысла вне конкретного исторического контекста» [14]. Эту точку зрения он объявляет абсурдной. Но суть номинализма вовсе не в объявлении научных понятий человеческими конструкциями. В этом нет ничего абсурдного. Это — истина. И вторую часть этого утверждения можно понимать по-разному. Говорят же современные материалисты, что истина зависит от места, условий и

времени. И это ни в малейшей степени не делает их номиналистами. Суть номинализма в отрицании объективного существования общего. Согласно их точке зрения, общего либо совсем нет, либо оно существует только в сознании, является умственной человеческой конструкцией.

Для ученых же несомненно существование в объективном мире законов, закономерности, сущности, необходимости. А все это — общее. Поэтому оно только умозримо. Сама человеческая практика требует признания объективности общего. Но общее перед людьми, столкнувшимися с этой проблемой, выступало как «чистое» общее. Поэтому признание объективности общего у части их выразилось в признании объективности «чистого» общего. Так возник реализм как одно из философских направлений.

И. С. Кон видит сущность новейшей разновидности реализма — эссенциализма в утверждении, что «категории отражают общую, объективную, неизменную сущность явлений» [15]. И эту точку зрения он объявляет абсурдной. Но суть реализма вовсе не во взгляде на категории как на отражение общей, объективной, неизменной сущности явлений. Под такое определение вполне подходят и материалисты XVIII в., которые ничего общего с реалистами не имели. Реализм состоит в признании того, что кроме чувственного мира отдельных явлений существует особый мир «чистого» общего, «чистых» сущностей. Этот мир, который по своей природе духовен, идеален, является первичным по отношению к миру отдельных вещей.

И. С. Кон, объявив абсурдными оба изложенных выше взгляда, тем самым дал понять, что по этому вопросу имеются и иная или иные точки зрения. Но в чем они состоят, он не сказал. А третья точка зрения действительно имеется. И заключается она в том, что общее существует не только в сознании, но и в действительности. Но никакого особого мира оно не образует. В мире общее существует не самостоятельно, не в «чистом» виде, а лишь в отдельном и через отдельное. Чтобы познать это общее, нужно «извлечь» его из отдельного, «очистить» от отдельного, представить его в «чистом» виде, т. е. в таком, в котором оно может существовать лишь в мышлении. Процесс «извлечения» общего из отдельного, в котором оно в реальности существует, в котором оно скрыто, не может быть не чем иным, как процессом создания «чистого» общего. Формой существования «чистого» общего являются понятия и их системы — гипотезы, теории и т. п.

Человек сам творит понятия и их системы и, конечно, может создать и такие понятия, такие концепции, которым не соответствует никакое реальное общее. Поэтому особую важность приобретает вопрос о критерии истины. Таким критерием является практика. Вопрос о том, объективно ли созданное человеком «чистое» общее, т. е. соответствует ли ему общее в объективной действительности, решается в процессе преобразования мира человеком. Если деятельность человека, основанная на данном представлении о действительности, ведет к успеху, это означает, что созданное им «чистое» общее имеет коррелят в действительности. Неудача свидетельствует об обратном.

Существуют ли реально общественно-экономические формации и этносы? Выше уже говорилось о наличии понятий по крайней мере двух типов. Ярким примером понятия второго типа является категория «общественно-экономическая формация». В свое время А. Я. Гуревич объявил, что общественно-экономическая формация существует лишь в умах ученых [16]. К нему присоединились по меньшей мере два участника рассматриваемой дискуссии — В. А. Тишков и И. С. Кон. Спору нет, понятие «общественно-экономическая формация», как все вообще понятия, существует только в сознании людей. Несомненно, «чистая» первобытно-общинная формация, «чистая» феодальная формация и т. п. являются умственными конструкциями. Совершенно очевидно, что ни у словосочетания «общественно-экономическая формация», ни у словосочетаний «феодальная формация», «капиталистическая формация» нет чувственно-зримых денотатов.

Но это вовсе не означает, что общественно-экономических формаций в действительности не существует. Скажем, феодальная формация существует и в реальности, но не как отдельное, а как существенное общее, что присуще всем конкретным феодальным обществам — феодальным социально-историческим организмам. Феодальная формация есть определенный тип общества, имеющий своей основой определенный способ производства — феодальный. Любой тип в чистом виде существует только в сознании. В действительности он существует лишь в индивидах, относящихся к данному типу. Точно так же обстоит дело с любой общественно-экономической формацией. Первобытно-общинная формация существует в конкретных первобытно-общинных социально-исторических организмах, капиталистическая — в буржуазных социально-исторических организмах и т. д. И существенное общее между всеми капиталистическими социально-историческими организмами объективно не в меньшей степени, чем сами эти конкретные капиталистические общества, капиталистические страны.

Для В. А. Тишкова (с. 7) и И. С. Кона [17] то обстоятельство, что понятие «общественно-экономическая формация» служит средством систематизации конкретного исторического материала, исключает объективность ее существования. В действительности же понятие «общественно-экономическая формация» способно помочь привести в порядок конкретный исторический материал только потому, что эта категория верно отражает действительность, что ей соответствуют реальные общественно-экономические формации.

Чувственного денотата не имеют не только слова и словосочетания, выражающие понятия второго типа, но и слова и словосочетания, выражающие некоторые понятия первого типа. Слово «этнос» в отличие от словосочетания «общественно-экономическая формация» имеет своим денотатом не общее, а отдельное. Слово «этнос» используется для обозначения каждого конкретного этноса, конкретного народа. Но каждый народ, являясь отдельным, в то же время не представляет собой чувственно-зримого объекта. Чувственно-зримы люди, составляющие данный этнос, но не сам этнос. Именно это обстоятельство и привело В. А. Тишкова к выводу, что этнос существует только в сознании людей. В другой работе он рассматривает этнос то как чисто умственную конструкцию, то как конструкцию одновременно и социальную, существующую хотя и зависимо от сознания людей, но все же вне сознания [18].

Этнос, несомненно, есть социальный конструкт, но не такой, который может быть создан по воле одного человека или даже группы людей. Он формируется в течение длительного времени, причем во многом независимо от сознания и воли людей. Ни этнос, ни нации невозможно создать по решению какой-либо группы людей. Можно, конечно, объявить все население той или иной страны одной единой нацией. Но нация от этого не возникнет. Легче превратить этнос в политическую силу, вызвать национальное движение. Но и для этого должны быть объективные предпосылки. И когда движение вспыхнуло, оно по отношению к исследователю стало объективной реальностью, которую он должен изучать.

Изложенные в статье, открывшей дискуссию, взгляды В. А. Тишкова на этнос полностью разделяет И. С. Кон. Но он идет еще дальше. «Представление о том, что этносы существуют объективно, независимо от нашего и какого угодно сознания, а мы только отражаем и описываем их,— заявляет он,— не только философски наивно, но и идеологически опасно» [19]. И далее И. С. Кон обрушивается на людей, которые «искренне верят, что этносы и их культуры создаются не общностью исторической судьбы и культурного наследия, а кровью» [20]. Я вполне согласен с тем, что эти взгляды и ошибочны и опасны. Но подавляющее большинство, если не все ученые, считающие, что этносы существуют не только в сознании, но и в реальности, рассматривают их как группы людей, объединенных общностью языка, культуры и самосознания. В чем же опасность такого рода представлений об этносе? Кстати сказать, когда И. С. Кон пишет о том, что этносы создаются «общностью исторической судьбы и культурного наследия», он фактически тем самым признает их реальное существование.

Факты и теория. До сих пор речь шла лишь о понятиях. Но в ходе дискуссии был поставлен также вопрос о соотношении фактов и теории и ряд других гносеологических по своей сути проблем. О том, что такое факт, существует множество точек зрения. Одна из них состоит в том, что факт есть явление действительности. Вторая — факт представляет собой образ действительности. Третья различает два вида фактов: факт-реальность и факт-знание. Не вдаваясь в дискуссию, отметим лишь, что факт, как он мыслится всеми учеными, обладает двумя, казалось бы, несовместимыми особенностями. Первая — его объективность. Факт, взятый сам по себе, не зависит от человека и человечества. Факты, как говорят, упрямы. Вторая особенность факта состоит в том, что он существует в сознании человека. Именно в сознании факты «хранятся», «накапливаются», «обрабатываются», «истолковываются», а иногда и «подтасовываются».

Все это вместе взятое дает возможность понять природу факта. Факт есть момент действительности, вырванный из нее и пересаженный в сознание. В сознании этот момент действительности, будучи изолированным от других ее моментов, выступает как фрагмент действительности. Познание действительности с неизбежностью есть ее раздробление на отдельные фрагменты. В результате никакая, даже самая большая совокупность фактов не может дать целостного представления о действительности. Груда обломков мира не есть мир. Для того чтобы целостное представление о мире возникло, необходимо объединение фактов в единую систему. Это объединение фактов обычно называют их истолкованием или интерпретацией.

Истолкование фактов может быть верным, а может быть и ложным. Истинным оно является тогда, когда факты занимают в созданной системе именно те места, которые занимают представленные ими моменты действительности в самой действительности. А это невозможно без выявления внутренних связей явления, их сущности. Верное истолкование фактов предполагает раскрытие сущности явлений мира. Раскрытая сущность есть тот каркас, который позволяет воспроизвести мир в его целостности. Истолкование фактов есть не что иное, как процесс воссоздания, воспроизведения, реконструкции мира в мышлении человека. Из обломков мира, втянутых в сознание, в мышлении человека воссоздается, восстанавливается мир в его целостности.

Обычно о реконструкции того или иного объекта говорят тогда, когда он исчез. В действительности реконструкции подлежит не только прошлое, но и настоящее. Об этом, в частности, ведет речь и С. В. Соколовский (№ 2, с. 3—4). Но вряд ли можно согласиться с ним, когда в применении к настоящему он говорит о реконструкции по «следам». Следы оставляют лишь исчезнувшие структуры.

Но самое, пожалуй, любопытное, что С. В. Соколовский реконструкцию противопоставляет отражению. Здесь та же самая постановка вопроса: либо отражение, либо творчество. Реконструкция есть несомненное творчество. Значит, она не есть отражение. Но если бы автор хотя бы на момент задумался, то понял бы, что реконструкция есть всегда попытка отобразить действительность. Реконструировать действительность означает воссоздать ее в сознании. И в гносеологическом плане понятие реконструкции действительности не может означать ничего другого, кроме воспроизведения, воссоздания, отображения этой действительности.

Существуют разные виды интерпретации фактов, которые зависят от характера самих фактов. Существуют единичные факты. Но когда факты добыты, их, прежде чем истолковать, подвергают обработке. В частности, их нередко обобщают. В результате обобщения единичных фактов возникают общие факты. Разновидностью последних являются статистические факты.

Возможна интерпретация как единичных, так и общих фактов. И при той, и при другой огромное значение имеет идея, которая первоначально представляет собой догадку о сущности рассматриваемых явлений. Идея играет роль иглы, при

помощи которой «сшиваются», объединяются факты. В ходе интерпретации сама идея разрабатывается, уточняется, превращается нередко в целую систему идей.

Интерпретация единичных фактов постоянно имеет место в работе людей, ведущих дознание и следствие. Ею занимаются герои многих детективных произведений: Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, Ниро Вульф. По отдельным следам восстанавливается целостная картина преступления и выявляется преступник. В каждом конкретном случае возникает идея, создаются и разрабатываются версии, одна из которых по мере подтверждения новыми фактами превращается в так называемую материальную истину. Такого рода интерпретацию можно было бы назвать эмпирической.

Но ученые чаще всего занимаются интерпретацией не единичных, а общих фактов. В ходе этой интерпретации возникают идеи, создаются гипотезы, которые в дальнейшем либо отбрасываются, либо превращаются в теории. В данном случае мы имеем дело не с эмпирической, а с теоретической интерпретацией. В отличие от эмпирической, теоретическая интерпретация, вырастая на основе фактов, в себя факты не включает. Теория есть отражение сущности изучаемых явлений.

При проверке теорий естественных наук огромную роль играет такая разновидность практики, как эксперимент. В общественных науках, в частности в этнологии, эксперимент почти невозможен. Здесь остается один путь проверки истинности теории — сопоставление ее с фактами. Любая теория, если она научна, с одной стороны, предполагает бытие определенных, пока еще не известных фактов, с другой — исключает нахождение тоже определенных фактов. Последний момент был абсолютизирован К. Поппером, выдвинувшим принцип фальсифицируемости.

Если факты, существование которых предполагается теорией, открываются, а факты, которых, согласно теории, быть не может, не обнаруживаются, это свидетельствует в пользу истинности теории. Если же, наоборот, отсутствуют факты, которые предсказывала теория, и встречаются такие, которых, согласно ей, быть не должно, это означает, что теория или очень неточна или вообще неверна. Необходимостью является либо доработка теории с тем, чтобы согласовать ее с вновь открытыми фактами, либо отказ от нее, замена ее иной гипотезой, а затем и теорией.

Вполне понятно, что принятие такого способа проверки теории предполагает признание объективности фактов вообще, их независимости от теории в частности. С. В. Соколовский объективности фактов, их независимости от теории не признает. Все факты, по его мнению, «не существуют сами по себе, но всегда принадлежат какой-либо научной традиции, направлению, школе, концептуальной схеме и т. д.» (№ 3, с. 7).

Конечно, факты обычно выступают не в чистом виде, а в рамках той или иной, явной (эксплицитной) или неявной (имплицитной) интерпретации. Но если факт — действительно факт, то он не зависит от концепции, или, как любят выражаться некоторые философы, он инвариантен. Конечно, любая школа в науке занимается добыванием фактов, но эти факты принадлежат не только ей. Если это действительно факты, а не фальшивки, то они должны приниматься во внимание и учитываться всеми остальными школами без исключения. Если та или иная школа игнорирует факты, добытые представителями других направлений в науке, то ее теоретические построения обречены на гибель. Верной может быть только такая концепция, которая объединяет все факты, кем бы они найдены не были.

Факты всегда объективны. Их можно только искать, находить, обнаруживать, добывать, но не создавать. С. В. Соколовский придерживается иного мнения. Он считает, что факты производятся, создаются, фабрикуются учеными (№ 3, с. 7, 10). К сожалению, и такое бывает. Один из героев Салтыкова-Щедрина подразделял факты на три категории: 1) факты подходящие, 2) факты неподходящие и 3) такие факты, которые как бы и не факты совсем. С. В. Соколовский, как видно из его

статьи, всецело разделяет такое понимание фактов. Он только вводит еще одну, четвертую их категорию: факты, которых нет, но которые как бы и факты.

Действительно, некоторые люди, считающие себя учеными, занимаются фабрикацией фактов. Примером может служить хотя бы Л. Н. Гумилев. В его произведениях мы встречаем, например, такие «факты», как сражение древних римлян с древними китайцами и усыновление Бату-ханом Александра Невского.

Проблема истины. Отрицание объективности факта сопровождается у С. В. Соколовского отрицанием объективности истины. Он категорически выступает как против «онтологизации» факта, так и против «онтологизации» истины (№ 2, с. 8; № 3, с. 9). В результате у него истин столько, сколько исследователей. Отрицание объективности факта и объективности истины есть не что иное, как отказ от науки.

Все ученые, независимо от их философских взглядов, по существу всегда исходят из того понимания истины, которое было сформулировано Аристотелем. «Истину говорит тот,— писал великий греческий мыслитель,— кто считает разъединенное разъединенным, и связанное связанным, ложное тот, кто думает обратно тому, как обстоит дело с вещами» [21].

Такое представление об истине полностью принимает и конкретизирует материализм. Согласно материалистическому взгляду, истина есть соответствие между отражаемым сознанием миром и отражающим мир сознанием. А это означает, что истина объективна, что она не зависит от сознания и воли людей. Человек не может по своей воле превратить истинное в ложное, а ложное — в истинное. Можно создавать понятия, теории, концепции, но только не истину. Истину не создают, не фабрикуют, ее ищут, находят, открывают. В этом и только этом смысле материалисты «онтологизируют» истину, против чего борется С. В. Соколовский. Но сам он является ученым. Отсюда в его статье масса противоречий.

Рассматривая ход дискуссии, С. В. Соколовский упрекает ряд ее участников в том, что они считают свои взгляды единственно верными. Как полагает данный автор, они тем самым отказывают другим исследователям в праве иметь свои собственные воззрения (№ 3, с. 12). Вывод более чем удивительный. Но, пожалуй, самое поразительное не это. Ведь тот же С. В. Соколовский в своей статье не однажды характеризует взгляды, которые ему не нравятся, как несостоятельные. Несостоятельной, по его мнению, является, например, «социальная антропология ... плод усилий нескольких поколений британских исследователей» (№ 3, с. 6). Невольно вспоминается поговорка о бревне в своем глазу.

Но в целом, если не с его собственной, то с обычной точки зрения, поведение автора является вполне естественным: какие-то взгляды он считает верными и принимает, какие-то — неверными и отвергает. Выступая как ученый, он просто забывает, что с тех философских позиций, которые он пропагандирует, объективной грани между истиной и заблуждением не существует. Каждый прав по-своему. У каждого своя истина.

Вообще философский релятивизм ни к чему другому, кроме как к отрицанию объективности факта, его независимости от концепции, к отрицанию существования объективного различия между истиной и заблуждением привести не может. Симпатизируя релятивизму, к отрицанию объективности факта и объективности истины склоняется и В. А. Тишков (с. 5). И ничем не может помочь ему утверждение, что он принимает не всякий релятивизм, а лишь доброкачественный (с. 6). Из его статьи мы так и не узнаем, в чем же заключается различие между доброкачественным и злокачественным релятивизмом.

Нельзя сказать, что в релятивистской концепции нет рационального зерна. Оно, несомненно, есть. Всякая истина в науке всегда относительна. Но одновременно она и абсолютна. Диалектика абсолютной и относительной истины впервые в истории философии была раскрыта В. И. Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Здесь коснемся лишь тех аспектов проблемы, которые прямо относятся к нашей теме.

Слово «истина» в русском языке имеет два неразрывно связанных смысла. Истина прежде всего есть соответствие между миром и мышлением. Но истиной называют не только само это соответствие, но и соответствующие действительности, т. е. истинные, мыслительные конструкции (суждения, теории и т. п.).

Мир в целом и любые его части неисчерпаемы. Поэтому соответствие между миром и научной теорией всегда с неизбежностью является неполным, неточным, т. е. относительным. Иначе говоря, между миром и научной теорией всегда существует и соответствие и одновременно несоответствие. Следовательно, в любой научной теории присутствует не только соответствующее действительности (т. е. истинное), но и несоответствующее ей (т. е. ложное). Но если мы имеем дело с подлинной научной концепцией, соответствие в ней преобладает над несоответствием. Поэтому в целом это единство соответствия и несоответствия является истиной, хотя и относительной.

По мере дальнейшего развития постепенно накапливаются факты, которые не укладываются в рамки данной теории. До поры до времени это несоответствие преодолевается путем доработки теории. Но может наступить момент, когда никакая переделка теории помочь не может. В результате старая теория отбрасывается. Создаются новые гипотезы, одна из которых превращается в теорию. По отношению к новой теории старая выступает не как истина, а как заблуждение, но не абсолютное, а относительное. Истина, как уже указывалось, не зависит от человека и человечества. Но она зависит от места, условий и времени. В этом смысле истина всегда конкретна.

При переходе от старой теории к новой моменты соответствия с действительностью, которые присутствовали в первой, не исчезают. В идеале все они переходят в новую теорию и к ним добавляются такие моменты соответствия, которые в старой теории отсутствовали. Поэтому новая теория находится в большем соответствии с действительностью, т. е. является более истинной, чем старая. Таким образом, хотя все научные теории — истины относительные, между ними существуют различия в степени соответствия с действительностью, в степени истинности. Все они, являясь единством соответствия и несоответствия, отличаются друг от друга количеством моментов соответствия и только соответствия, т. е. абсолютного соответствия. В каждой новой теории присутствует все больше моментов абсолютного соответствия, т. е. крупиц абсолютной истины, и она тем самым представляет собой еще один шаг на пути к абсолютному соответствию, т. е. к абсолютной истине.

Таким образом, существует не только относительная истина как единство соответствия и несоответствия, но и абсолютная истина, т. е. такое соответствие, которое является только соответствием. Абсолютная истина существует, но не сама по себе, а лишь в относительных истинах. А каждая относительная истина одновременно и включает в себя абсолютную истину, и является шагом на пути к абсолютной истине. Поэтому развитие науки носит кумулятивный характер. Теория познания современного, марксистского материализма включает в себя признание относительности знания. В этом смысле в ней присутствует элемент релятивизма. Здесь мы имеем дело с относительным релятивизмом, который вполне может быть назван доброкачественным. Что же касается абсолютного релятивизма, т. е. такого, который считает человеческие знания относительными и только относительными, отрицает наличие в них абсолютного, то его можно охарактеризовать как злокачественный.

Именно на позиции такого рода релятивизма находится С. В. Соколовский. Он не только отрицает существование грани между истиной и заблуждением, но и, свято веруя в определенные авторитеты, отвергает кумулятивный характер научного знания (№ 2, с. 8; № 3, с. 9, 13). Отрицание кумулятивности научного знания так убедительно опровергается всем ходом развития науки, включая и этнологическую, что на этом не имеет смысла останавливаться.

Позитивизм, марксизм, тоталитаризм и советская этнография. Стремясь опровергнуть позитивизм, а фактически материализм, неко-

торые участники дискуссии выдвигают против него «политические» обвинения. С одним из них, выдвинутым И. С. Коном, мы уже разобрались. В. А. Тишков утверждает, что «позитивистская методология» особенно «любима» в тоталитарных обществах (с. 7). Эта идея получила развитие у С. В. Соколовского: «...объективистско-позитивистская парадигма,— пишет он,— лежит в основе не только технократического насилия над природой, но и является фундаментом социально-политической инженерии — разнообразных логоцентристских тоталитарных проектов. Именно она легитимизирует насилие над природой и обществом и, как мне представляется, является глубинной причиной кризиса отечественной этнографии» (№ 3, с. 13).

Если иметь в виду подлинный современный позитивизм — неопозитивизм, то он всегда был не в ладах с тоталитарными режимами. Хорошо известно, что почти все участники знаменитого «Венского кружка» после захвата Австрии немецкими фашистами бежали в США и Великобританию. Точно так же поступили после захвата Польши Германией представители «Львовско-Варшавской школы».

Если говорить о материализме, то формально он был безраздельно господствующим философским направлением в странах, которые было принято называть социалистическими. Но вся практика их правящих кругов совершенно расходилась с основными положениями материалистической теории познания. Говорили об объективности истины, а в реальности действовал принцип, который был сформулирован замечательным польским сатириком Ежи Лецем: «Никогда не изменяй правде. Изменяй правду». Истина менялась после очередного «исторического» съезда партии, пленума ее ЦК или даже выступления высокопоставленного партийного функционера. Так что практически в этих странах господствовал релятивистский взгляд на познание: истиной считалось то, что предписано было начальством считать истиной. Со сменой начальства менялась и истина.

И, конечно, причины кризиса этнографии лежат вовсе не в материалистической теории познания. Об этом с достаточной определенностью свидетельствуют статьи участников дискуссии. Как указывал Г. Е. Марков, «марксизм в его „чистом“ классическом виде так никогда и не был внедрен в советскую этнографию» [22]. «Фактически же,— вторит ему В. А. Шнирельман,— идентификация с марксизмом для многих являлась пустой формальностью и ровным счетом ничего не означала» [23]. Как указывал С. А. Арутюнов, наличие ссылок на марксизм у многих этнографов было «лишь вынужденной данью давлению цензоров-редакторов, прозрачным и незатейливым камуфляжем, чисто механически обрамлявшим серьезные научные исследования и выводы» [24]. А когда исследователи применяли действительно марксизм, а не господствовавшее «фальшиво-идеологическое пустословие», то это приносило реальные плоды, что не нравилось официальным идеологам режима. «Советские этнографы...,— пишет С. А. Арутюнов,— вовсе не были скованы псевдомарксистской догмой. Ученые творчески применяли метод исторического материализма в той мере, в какой им это позволял официоз, пуще всего боявшийся приложения подлинного марксизма к анализу реальной действительности ...» [25].

Суть дела заключалась в интересах господствующего класса нашего общества, который больше всего боялся правды и требовал искажения картины действительности, что особенно сказывалось на исследовании современности. В результате многие этнографы, которые вели полевые исследования, вынуждены были писать, как выражался талантливейший русский поэт Н. Коржавин, «не то, что есть, а то, что надо».

Все эти требования к исследователям облекались в форму идеологических установок. Но эта идеология, вопреки ее официальному названию, кроме чисто внешнего словесного оформления ничего общего с подлинным марксизмом не имела. И когда речь заходит о давлении на ученых марксистско-ленинской идеологии, идеологических установок, то имеется в виду вовсе не марксизм, а качественно отличный от него псевдомарксизм. Вопрос о соотношении между

марксизмом и псевдомарксизмом подробно рассмотрен мною в работе «Россия: что с ней случилось в двадцатом веке» [26], поэтому здесь я останавливаться на нем не буду.

В. И. Козлов, обращаясь к кризису в нашей науке, пишет, что «очень важной, если не важнейшей причиной этого кризиса... было давление на этнографию, как и на другие общественные науки, марксистско-ленинской идеологии и аппарата ЦК КПСС, пытавшегося превратить ученых в покорных слуг» [27]. О том, что он имеет в виду псевдомарксизм, а не подлинный марксизм, свидетельствуют его слова: «учение Маркса о базисе и надстройке и о социально-экономических формациях представляется мне отнюдь не антинаучным» [28].

Такова же позиция и В. Н. Басилова. Касаясь высказывания В. И. Козлова о причинах кризиса в этнографии, он пишет: «Вряд ли найдется в нашей среде человек, который станет сейчас отрицать правоту этих слов. К аппарату ЦК КПСС надо добавить и целую армию разного рода и уровня надсмотрщиков, призванных следить за тем, чтобы в печать не проникло ничто, отклоняющееся от идеологических установок. Страх наказания усугублял рвение. Кто из нас не сталкивался с бдительностью, противоречащей элементарному здравому смыслу? ... Этот мелочный надзор за творчеством ученого отнюдь не ограничивался анекдотическими придирками к отдельным фразам и вычеркиванием всего, что „не положено". Во многих случаях он выхолащивал само содержание научного исследования» [29]. О том, что, говоря об идеологических установках, В. Н. Басилов имел в виду вовсе не теорию марксизма, свидетельствуют его слова: «Нам еще предстоит разобраться, нанес ли марксизм действительный урон советской этнографии, ибо следует отличать научную теорию марксизма от официальной идеологии советской Административно-Командной Системы» [30].

Культурный релятивизм. Выше был рассмотрен философский релятивизм. Обратимся теперь к культурному релятивизму, апологии которого посвящается много страниц статьи С. В. Соколовского. Нельзя в связи с этим не отметить, что вся его статья пронизана догматизмом. У нас сейчас стало привычным называть догматиками всех тех, кто продолжает оставаться марксистами. Но марксизм и догматизм далеко не одно и то же. Конечно, среди тех, кто называет себя марксистами, догматиков хватает. Однако ни немарксизм, ни даже антимарксизм не дают гарантии от догматизма. Слепая вера в постулаты, выдвинутые, скажем, К. Леви-Стросом, есть тоже догматизм.

С. В. Соколовский свято верует в правоту культурного релятивизма. Он не предпринимает даже малейшей попытки обосновать истинность его положений. Для него бесспорно, что человечество подразделяется на несопоставимые друг с другом уникальные, автономные, самостоятельные «культурные миры». И самой важной для него является проблема контактов этих уникальных «жизненных миров», проблема достижения взаимного понимания их обитателей. Все попытки найти «универсалии», которые были бы общими для всех культур, по мнению С. В. Соколовского, не увенчались успехом (№ 2, с. 11). Противники культурного релятивизма, если и называли «универсалии», то не культурные, а биологические и физико-химические (человек не может жить без воздуха, воды, пищи и т. п.). И автор торжественно заявляет: «Для того чтобы объективистско-универсалистские концепции культуры обрели статус валидных, необходимы свидетельства существования *культурных универсалий*, бесспорных примеров которых, на мой взгляд, пока не обнаружено» (№ 3, с. 3).

Нельзя в этой связи не вспомнить известную поговорку о тех, кто больше католик, чем сам папа римский. Если обратиться, например, к трудам одного из основоположников культурного релятивизма — М. Херсковица, то сразу же обнаруживается, что он не сомневался в существовании культурных «универсалий». К их числу он относит «техническую оснащенность, с помощью которой человек вырывает из естественной среды средства для существования и ведения других повседневных видов деятельности, экономическую систему их распределения,

социальную и политическую организацию, философию жизни, религию, искусство, язык..., систему санкций и целей, придающих смысл жизни» [31].

Если же мы примем во внимание, что культур самих по себе не существует, а есть общества, обладающие культурами, то все станет на свои места. Каждое общество — это социальная реальность, включающая в себя социальную материю. Каждое из них имеет экономику, организацию власти, определенные нормы, регулирующие отношения людей, определенную духовную жизнь. И все это столь же доступно познанию, как и природные объекты.

И слово «понимание», которым постоянно пользуется С. В. Соколовский, лишь запутывает дело. Это связано с тем, что, говоря о понимании, имеют нередко в виду совершенно разные вещи: познание действительности, включая природу; выявление смысла текстов; проникновение в душу другого человека, в его личные переживания и т. п.

Если обратиться к материалистической теории познания, теории отражения, то становится ясным, что понимание действительности есть не что иное, как выявление ее сущности. С этой точки зрения становится ясным и что такое объяснение, которое рассматривается как одна из функций теории. Объяснить явления — значит показать, какая именно сущность скрывается за ними. Никакой особой теории понимания природной и социальной реальности, которая бы отличалась от теории познания, существовать не может. Совсем иное — выявление смысла текстов и проникновение в переживания другого человека. Первое — дело филологии, вторым же больше всего занимается искусство.

С. В. Соколовский изображает картину этнографического изучения того или иного общества как сцену взаимодействия двух уникальных, автономных «культурных миров», в ходе которого представитель одного из них (этнограф) фиксирует «индигенные концепты» и переводит их «на язык используемой им теории» как «кросскультурный перенос и „перекодировку“ знания» (№ 3, с. 10). Это «кросскультурное понимание осуществляется за счет многократного, челночного движения (оценки и сопоставления) собственных концептов и чужих, а также чужих концептов — и конструктов научной дисциплины... Описанная „траектория“ дополняется „вертикальным“ движением в рамках понятийного аппарата собственной культуры: от „своих“ концептов к конструктам и обратно» (№ 3, с. 10).

С. В. Соколовский не принимает во внимание, что изучаемое общество не сводится к совокупности взглядов туземцев, что оно представляет собой социальную реальность, которая частично существует совершенно независимо от сознания людей, частично же в значительной степени независимо от него. И представления людей об этой социальной реальности во многом носят не адекватный, а иллюзорный характер. В большинстве изучаемых этнографами обществ науки не существует, нет научного представления ни о своем, ни о других обществах. Есть просто обыденные представления. Конечно, туземные понятия нужно знать, но никакая их совокупность не может дать научной картины этого общества. Исследование того или иного общества не есть простой или сложный перевод системы туземных концептов в систему научных конструктов. Это есть познание реальности, существующей независимо от сознания как людей, живущих в данной системе общественных отношений, так и пришедших извне исследователей. И ученые с неизбежностью создают и используют термины, которые не имеют прямого соответствия в туземных, то бишь индигенных, языках, но тем не менее верно отражают туземные реалии.

Вместо заключения. Возвращаясь к проблемам гносеологии, хочу подчеркнуть, что единственной теорией познания, согласующейся с наукой, является теория отражения, причем не пассивного, зеркального, а активного, творческого. И недаром все ученые, даже придерживающиеся в теории самых антиматериалистических взглядов, как только переходят от общих философских рассуждений к своему делу, неизбежно переходят на позиции теории отражения. Это наглядно можно видеть хотя бы на примере работ А. Я. Гуревича, на одну из которых ссылается В. А. Тишков.

Перу А. Я. Гуревича принадлежат, с одной стороны, несколько в целом неплохих работ, посвященных средневековью, с другой — ряд, на мой взгляд, беспомощных в философском плане статей, в которых рассматриваются методологические вопросы истории. В этих статьях А. Я. Гуревич пропагандирует как последнее слово гносеологии неокантианские представления о природе исторического знания, оформившиеся в конце XIX в., противопоставляя их материалистической теории познания, которую он так же, как В. А. Тишков и С. В. Соколовский, предпочитает называть позитивизмом. Не рассматривая всей совокупности его взглядов, отмечу лишь характерную для его работ крайнюю противоречивость.

В статье «О кризисе современной исторической науки» он на одной странице превозносит презентизм, а на следующей объявляет его несостоятельным [32]. Он подвергает резкой критике Л. Ранке за то, что тот «воображает, что способен восстановить жизнь прошлого в том виде, в котором она некогда существовала», и Ж. Мишле за то, что тот говорит о «воскрешении» прошлого. «В действительности,— пишет А. Я. Гуревич,— историк на „воскрешение" прошлого не способен, и лучше отдавать себе в этом ясный отчет» [33]. А далее на этой же странице А. Я. Гуревич говорит о том, что роль историка заключается в «осмыслении и реконструкции прошлого» [34].

Таким образом, по мнению А. Я. Гуревича, «восстановить», «воскресить» прошлое нельзя, а «реконструировать» его можно. Но ведь слово «реконструкция» означает именно «воссоздание», «воспроизведение», «восстановление», «воскрешение». В первом случае он выступает как проповедник некритически воспринятых им философских взглядов, во втором же — как историк-практик, который, как и любой другой ученый, стремится к объективной истине. И в этом отношении он далеко не исключение. Его кумир — В. Виндельбанд в той же самой актовой речи, в которой было заложено основание той, восхитившей А. Я. Гуревича, неокантианской методологии, в принципе исключавшей взгляд на познание как на отражение объективного мира, одновременно, совершенно забыв о своих же собственных теоретических воззрениях, говорил, что «историк ... имеет своей задачей идеально воссоздать какой-либо продукт прошлого со всеми его индивидуальными чертами» [35].

Дух материалистической теории отражения, теории воссоздания, воспроизведения объективного мира в сознании человека в науке неистребим. И любые попытки заменить ее иной теорией познания, как бы она ни называлась — неокантианством, релятивизмом или постмодернизмом — с неизбежностью обречены на неудачу.

Примечания

1 *Басилов В. Н.* Этнография: есть ли у нее будущее//Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 1992. № 4. С. 12.
2 *Арутюнов С. А.* Преодоление какого кризиса?//ЭО. 1993. № 1. С. 10.
3 *Козлов В. И.* Между этнографией, этнологией и жизнью//ЭО. 1992. № 3. С. 10.
4 *Шнирельман В. А.* Наука в условиях тоталитаризма//ЭО. 1992. № 5. С. 12.
5 *Кон И. С.* Несвоевременные размышления на актуальные темы//ЭО. 1993. № 1. С. 3.
6 Там же.
7 *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2. Т. 23. С. 21.
8 Там же. Т. 21. С. 301—302.
9 Там же. Т. 19. С. 203—206; Т. 20. С. 21—24, 97, 629; Т. 21. С. 283, 301—302 и др.
10 Предметный указатель ко второму изданию Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1978. С. 81—82.
11 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 177.
12 Там же. С. 131.
13 Там же. С. 164.
14 *Кон И. С.* Указ. раб. С. 4.
15 Там же.
16 *Гуревич А. Я.* К дискуссии о докапиталистических формациях: формация и уклад//Вопросы философии. 1968. № 2. С. 118—119.

[17] *Кон И. С.* Указ. раб. С. 3.
[18] *Тишков В. А.* Межнациональные отношения в Российской Федерации. М., 1993.
[19] *Кон И. С.* Указ. раб. С. 4.
[20] Там же.
[21] *Аристотель.* Метафизика//Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., 1976. С. 250.
[22] *Марков Г. Е.* О бедной науке замолвим слово...//ЭО. 1992. № 5.
[23] *Шнирельман В. А.* Указ. раб. С. 8.
[24] *Арутюнов С. А.* Указ. раб. С. 9.
[25] Там же.
[26] *Семенов Ю. И.* Россия: что с ней случилось в XX веке//Российский этнограф. Вып. 20. М., 1993.
[27] *Козлов В. И.* Указ. раб. С. 7.
[28] Там же. С. 9.
[29] *Басилов В. Н.* Указ. раб. С. 3.
[30] Там же. С. 12.
[31] *Herskovits M. J.* The Man and his Works. N. Y., 1948. P. 307.
[32] *Гуревич А. Я.* О кризисе современной исторической науки//Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 32—33.
[33] Там же. С. 32.
[34] Там же.
[35] *Виндельбанд В.* История и естествознание//*Виндельбанд В.* Прелюдии. СПб., 1904. С. 324.

Ethnology and Epistemology

The article contributes to the discussion initiated by «Soviet Ethnography: Overcoming the Crisis» by V. A. Tishkov (see: «Ethnograficheskoe Obozrenie». 1992. № 1) and concerning some problems of gnosiology (epistemology). A special attention to this problems was paid in «Unseasonable Reflection on Urgent Problems» by I. S. Kon (see: «Ethnograficheskoe Obozrenie». 1993. № 1) and «Ethnographic Research: Ideals and Reality» by S. V. Sokolovsky («Ethnograficheskoe Obozrenie». 1993. № 2, 3). Post-modernist, relativist epistemology is examined by the author in present paper from the critical standpoint, while the fundamental principles of materialistic epistemological theory in its modern form are maintained by him. According to some problems of ethnology the author deems that ethnos is a real object but not only a mental construct.

Yu. I. Semenov